
Глава 8

ТРУДНАЯ ВЕСНА

Бегство центрального правительства в Москву совпало по времени с ухудшением топливно-продовольственной ситуации и резким обострением социальных проблем в Петрограде. К тому же, большевистские лидеры, оставшиеся в городе, оказались перед лицом растущей оппозиции со стороны петроградских рабочих, во многом благодаря которым они смогли прийти к власти в 1917 г. В конце весны — начале лета 1918 г. эти проблемы обострились еще больше, и к ним добавились новые, в том числе, совершаемые при поддержке германских войск и представлявшие угрозу для все еще боеспособного русского Балтийского флота атаки белофиннов; выступление недовольных рабочих Обуховского завода, поддержанное моряками-балтийцами; а также страшная эпидемия холеры. Причем все это происходило на фоне разворачивающейся в стране, от Волги и Дона до Тихого океана, гражданской войны и мобилизации рабочих и красноармейцев в продовольственные отряды, призванные силой выбрать хлеб у крестьян для городов и армии. Все это новым, тяжким бременем ложилось на непрерывно убывающие человеческие ресурсы, еще находившиеся в распоряжении большевистских властей в Петрограде. В борьбе с этими кризисами Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны (СК ПТК) сначала придерживался относительно умеренного политического курса. И даже перейдя впоследствии к более жестким мерам, он старался избегать использования крайних форм репрессий, на которых настаивала Москва. В этот чрезвычайно сложный период жизнеспособность Советской власти в Петрограде была, в немалой степени, плодом эффективного сотрудничества большевиков и левых эсеров в сфере управления регионом.

* * *

Основанием, заставившим Совнарком и ЦК большевиков поспешило покинуть Петроград в ночь с 10 на 11 марта, стала угроза скорой оккупации города немецкими войсками. За два дня до этого, на Седьмом съезде партии, Ленин признал, что подписание мира сможет лишь на несколько дней уберечь Питер, однако, спохватившись, тут же велел: «Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать» (1). Вследствие этой установки на обреченность Советской власти в Петрограде, Совнарком, несмотря на то, что приготовления к эвакуации велись несколько недель, не счел нужным уделить внимание вопросам управления и безопасности покидаемой столицы. На своем предпоследнем заседании в Петрограде 8 марта Совнарком обсуждал приготовления к беспрепятственному переезду. На следующий день он рассматривал возможные проблемы, связанные с эвакуацией из Петрограда важнейших промышленных предприятий и их персонала. В связи с последним вопросом, члены Чрезвычайной комиссии по эвакуации Петрограда получили указание оставаться на своих постах «до последней возможности» (2). Кроме того, было, похоже, решено, что до падения Петрограда ответственность за управление городом ложится на Петроградский Совет и его исполнком, которые будут осуществлять его по директивам из Москвы. Совнарком не считал, что в сложившихся условиях требуются какие-либо серьезные структурные изменения в петроградском руководстве.

В то время как Совнарком собрался на свое последнее петроградское заседание (9 марта), исполнком Петросовета созвал представителей районных Советов, чтобы сформировать Петроградскую ЧК (ПЧК). Как всегда, от районных Советов требовалось выделить «самых энергичных» людей, способных полностью отдавать себя делу (3). Главой ПЧК был назначен бывший пылкий «левый коммунист» Урицкий. Хотя впоследствии противники большевиков часто называли его «петроградским Робеспьером», его методы борьбы с контрреволюцией были куда более умеренными, чем те, что практиковал Дзержинский во главе ВЧК в Москве (4).

Руководители Петроградской ЧК Урицкий, Бокий (сидят), Боризевский и Иосслевич
Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

По мнению Зиновьева, мысль о целесообразности создания в Петрограде авторитетного органа местного самоуправления, структурно аналогичного Совнаркому, пришла на ум петроградским большевикам не ранее ночи отъезда центрального правительства (5). Как бы то ни было, несомненно одно: на следующий день после этого исполком Петроградского Совета сформировал совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны (СК ПТК) — связав тем самым в массовом сознании образ брошенного «красного Петрограда» с героическим мифом о Парижской коммуне. Согласно «конституции» Петроградской трудовой коммуны, совет комиссаров был ответственен перед Петроградским Советом; его комиссариаты, слившись с соответствующими отделами Петросовета, брали на себя

полномочия и функции, ранее принадлежавшие местным органам центральных наркоматов; отраслевые отделы в районных Советах преобразовывались в местные органы соответствующих комиссариатов СК ПТК (6). Хотя эта «конституция» в полном объеме так и не была воплощена в жизнь, она отразила стремление Петрограда декларировать свою независимость от Москвы, а также стремление правительства «Коммуны» создать вертикальную структуру подчинения, интегрировав в нее отделы районных Советов.

Спустя годы Александр Ильин-Женевский (большевистский военный деятель, чья жена застрелилась, узнав о возобновлении наступления немцев на Петроград) вспоминал радостное возбуждение, которое он испытал, услышав о создании Петроградской трудовой коммуны:

Помню, когда на другой день после объявления коммуны я вышел на улицу, мне такой странной показалась обычная уличная картина: падает снег, по тротуарам идут спешащие куда-то пешеходы, изредка про мелькнет извозчик. Все как буднично и обыденно. А ведь у нас коммуна! Та коммуна, о которой до сих пор приходилось только читать... Это кружило голову и создавало необыкновенный подъем настроения (7).

С самого начала петроградские большевики надеялись, что в новый орган управления войдут левые эсеры. С соответствующим предложением, например, Зиновьев обратился к Алексею Устинову. Однако, поскольку большинство левоэсеровских лидеров уже находились в Москве, на Четвертом съезде Советов, тот не решился дать определенный ответ. Так что состав СК ПТК оказался полностью большевистским, что было закреплено на заседании Петроградского Совета 12 марта. Возглавил правительство Зиновьев, а в числе комиссаров оказались Луначарский (просвещение) (8), Вячеслав Менжинский (финансы), Михаил Калинин (городское хозяйство), Михаил Лашевич (продовольствие), Петр Стучка (юстиция), Вячеслав Молотов (Скрябин) (экономика), Адольф Иоффе (социальное признание), Мирон Владимиров (транспорт) и Ивар Смилга (Петроградский военный округ) (9). Самой влиятельной фигурой в новой структуре должен был стать Троцкий. Ему предложили возглавить в коммуне уникальный Военно-Революционный комиссариат с неог-

раниченными полномочиями в сфере защиты Петрограда от внешних и внутренних врагов (10).

Этот пост Троцкий занимал всего несколько дней — ровно столько, чтобы успеть опубликовать несколько жестких заявлений (11). По настоянию большинства Петроградского бюро ЦК большевиков (составленного из оставшихся в городе членов ЦК), он был вынужден его оставить, поскольку выступал против вмешательства политических комиссаров в стратегические и военно-технические распоряжения так называемых военных специалистов, или спецов (бывших царских офицеров, перешедших на службу в новую Красную армию и флот). По рекомендации ближайших партийных товарищей, Троцкий был направлен в Москву, где был назначен наркомом по военным и морским делам (12). Еще один член первоначального состава СК ПТК, Стучка, вскоре был отзван в Москву сменить в Совнаркоме Штейнберга (13). В спешном порядке были произведены новые назначения: Крестинский получил пост комиссара юстиции, а Урицкий, Позерн и Иоффе возглавили, соответственно, комиссариаты по внутренним, военным и иностранным делам. Врач Евгений Первухин был поставлен во главе комиссариата здравоохранения.

Ни Петроградское бюро ЦК, ни Петербургский комитет большевиков, по всей видимости, участия в этих назначениях не принимали (не считая вмешательства первого в инцидент с отстранением Троцкого). За советом СК ПТК предпочитал обращаться к советским, а не к партийным органам (14). Это было время, когда отношения между советскими и партийными структурами в Петрограде еще не были жестко установившимися. Местные партийные органы, лишившиеся большинства своих самых опытных членов, уже начинали обсуждать широкие политические и экономические вопросы, однако от прямого участия в управлении они пока воздерживались. Причиной тому было не только уважение, которое они питали к большевистским лидерам в Советах, но и бытовавшие представления о должном соотношении между советской и партийной работой. В своей мемуарной статье об истории петроградских большевиков в 1918 году Кирилл Шелавин, ведавший в ту пору в ПК организационными вопросами, писал, что среди петроградских большевиков существовало два мнения по этому вопросу. Часть руководителей

была пропитана исключительно «советским» духом и смотрела на партийную работу как на не имеющую большого значения в деле построения социалистического государства. (Наряду с загруженностью большевиков, находившихся на советской работе, этот взгляд помогает объяснить их практически полное отстранение от партийных дел.) Другие же — «хранители старых преданий», как их называли в то время — считали государственную службу «грязным» делом, по сравнению с «чистой» партийной работой. Однако и те, и другие, по свидетельству Шелавина, понимали под партийной работой только агитацию и пропаганду (15).

На заседании ПК 6 марта, когда до переезда центрального правительства еще оставалось несколько дней, но эвакуация из Петрограда уже началась, среди стоявших на повестке дня вопросов числились такие, как предварительная подготовка к переходу в подполье в случае германской оккупации, другие внутрипартийные дела, касающиеся, в частности, организации Седьмого съезда партии и издания «Коммуниста» (16), а также проблемы, связанные с характером осуществления эвакуации (17). 12 марта, на следующий день после отъезда правительства, ПК обсуждал выпад против его негативной позиции по Брестскому договору со стороны большевистской фракции Петроградского Совета и приготовления к Пятой, чрезвычайной, городской конференции петроградских большевиков (18). На этом заседании рассматривался также вопрос о наборе членов партии в ЧК. После распределения норм чекистского призыва по районным комитетам, городское руководство партии, как тогда было принято, сняло с себя дальнейшую ответственность за правительственный орган (в данном случае, ПЧК). Кроме того, на повестке дня заседания ПК 12 марта стояли такие неправительственные вопросы, как снабжение членов партии огнестрельным оружием (оно было признано «желательным», и было решено, что формирующийся военный отряд ПК предоставит инструкторов для обучения пользованию оружием) и подготовка к «торжественному» вечернему заседанию Петросовета по случаю первой годовщины Февральской революции (19). Вопрос о выборе кандидатуры, представляющей городскую партийную организацию в Петроградском Совете, был отложен. При этом ни 6-го, ни 12-го ровным счетом ничего не было сказано о том, как, в отсутствие Совнаркома и ВЦИКа, должно осуществляться управление Петроградом.

25 и 27 марта состоялись первые заседания Собрания организаторов — органа, созданного Четвертой городской конференцией большевиков. На этих заседаниях выяснилось, что партийная работа в большинстве районов парализована, причиной чему явились переход опытных большевистских кадров на государственную и военную работу; закрытие заводов и, как результат, массовая безработица среди рабочих; негативный эффект внутрипартийного конфликта по поводу Брестского мира. На текстильных фабриках, которые оставались одними из немногих работающих предприятий в городе, специфическая проблема заключалась в крайней пассивности работающего там преимущественного женского контингента (20).

26 марта Петербургский комитет отменил свое решение от 24 февраля о приоритете советской работы над партийной (21). 6 апреля Первая партийная конференция [большевиков] Северной области сформулировала задачу усиления авторитета партийных органов в Советах, а 8 апреля на заседании ПК была принята программа мер, направленных на установление если не контроля, то влияния районных комитетов партии в районных Советах (22). Например, была начата работа по организации в районных Советах большевистских фракций,名义上 подчиненных районным комитетам партии. Хотя подобные меры негласно свидетельствовали о признании превосходства партийных органов над советскими — линия, которую в это время в Москве проводили Ленин и центральное партийное руководство — постоянные утечки кадров из районных комитетов и тот факт, что самые опытные и достойные члены партии были сконцентрированы как раз в Советах, позволяли говорить о неэффективности этих мер. Как записала 22 мая Стасова, «партийная работа находится в большом упадке, так как все силы ушли на советскую работу» (23).

Это положение дел нашло замечательно правдивое отражение в отчете, представленном Шестой городской конференции петроградских большевиков в июне 1918 г. партийным комитетом Второго городского района. «Члены партии, уходившие на работу в советские, муниципальные и др. учреждения, — сообщалось в нем, — в большинстве своем совершенно теряли связь с своим районом и ни о каком контроле над их работой со стороны Р[айонного] К[омитета] не было и речи... Работа свелась к еженедельным регулярным засе-

даниям РК... Попытки воздействия на работу Советов были неудачны... Вопрос о постановке партийной работы в районе и те или иные решения по этому пункту оставались решениями на бумаге...» (24).

* * *

В этот начальный период превращения из первой столицы во вторую состояние городского хозяйства Петрограда напоминало о хаосе первых недель Советской власти, с той лишь разницей, что теперь гниющие отбросы и туши павших животных были милосердно скрыты от глаз под гигантскими сугробами никем не убираемого снега. Только за одну предшествующую бегству правительства неделю в городе было зафиксировано 205 новых случаев тифа, а потепление, по мнению врачей, почти гарантировано должно было принести с собой мощную вспышку холеры. «Я бывал в Китае, в Персии, изъездил всю Азию, — признавался в газетном интервью обеспокоенный ситуацией эпидемиолог из Военно-медицинской академии, — но то, что мне приходится видеть сейчас в Петрограде, я не видел нигде» (25).

Характерно, что в своем стремлении наладить каким-то образом управление городом и преодолеть растущие, как снежный ком, проблемы СК ПТК не встречал почти никакой поддержки из Москвы. С самого начала петроградские власти испытывали нехватку средств. Ресурсы центрального правительства в этом отношении также были весьма ограничены. Однако, судя по протоколам заседаний Совнаркома, финансовые просьбы СК ПТК, при всей их экстренности и чрезвычайности, неизменно безжалостно отклонялись. Так, после одного из первых своих заседаний СК ПТК направил в Москву срочное прошение о выделении ему на содержание суммы в сто миллионов рублей. Эту просьбу Совнарком рассмотрел только на третьем после переезда в Москву заседании 21 марта, но его ответ: отложить вынесение решения до получения разъяснений, — впоследствии стал типичным (26). Кроме того, запрашиваемая сумма была определена как аванс в счет сметных расходов. Несмотря на обидный ответ, разъяснения были вскоре предоставлены. На сей раз, 28 марта, Совнарком одобрил выделение Петрограду двадцати мил-

лионов рублей при условии, что контроль за расходом этих средств будет осуществлять государственный контролер и что в дальнейшем петроградское руководство будет заранее предоставлять бюджет авансовых расходов. Дополнительно, по предложению Троцкого, были предусмотрены следующие условия: 1) руководство Петрограда должно произвести опись всех имеющихся в его распоряжении материальных ресурсов и продовольственных запасов и излишки вывезти из города; 2) те излишки военных и других ресурсов, которые не могут быть эвакуированы из Петрограда, но имеют рыночную стоимость, с одобрения центрального правительства, должны быть проданы. Распределение вырученных от этих продаж средств являлось прерогативой центрального правительства (27).

11 апреля Зиновьев отправил в Москву с курьером еще одну срочную просьбу о выделении средств. На сей раз он мотивировал необходимость предоставления Петрограду дополнительных ста миллионов рублей нарастанием кризисной ситуации в сфере безработицы и продовольственных поставок, что являлось благодатной почвой для контрреволюционной и антисемитской агитации среди рабочих. Зиновьев справедливо видел в этом новую, очень опасную угрозу Советской власти. «Безработица в Петрограде... приняла особенно острый характер, — писал он. — Каждый день из Выборгского и других районов к нам приходят делегации от наших же заводов, которые указывают нам... что так дальше жить нельзя... Необходимо не дать рабочим умереть с голода — при рабочем правительстве... Необходимо не менее 100 миллионов рублей... Петроградский Совет принял декрет об ассигновании этих 100 миллионов и о ходатайстве перед Совнаркомом, чтобы эта сумма была нам отпущена немедленно [выделено в оригинале. — A. P.]... Иначе Петроград попадет в самое критическое положение» (28). В отдельном послании, адресованном центральному партийному руководству, Петроградское бюро ЦК большевиков решительно заявило, что снимет с себя ответственность за партийную работу в бывшей столице, если ходатайство Зиновьева будет отклонено (29). 12 апреля Совнарком, по рекомендации Свердлова, одобрил выделение Петрограду ста миллионов рублей. Однако условием получения этих денег (за вычетом тех двадцати миллионов, что были выделены 28 марта) должно было стать предоставление гарантий целевого и ра-

зумного использования средств, согласно плану, разработанному специально назначенной комиссией Совнаркома (30).

Подобная реакция Москвы, которая не могла не вызывать раздражения у петроградского руководства, вполне возможно, была продиктована стремлением заставить его эффективно использовать собственные ресурсы, ввести строгую отчетность в бюджетных вопросах и взять власть в городе в свои руки. Но, в то же время, она выдавала безразличие центральных властей к нуждам Петрограда, и это вызывало глубокую обиду и возмущение в бывшей столице, внезапно ставшей ненужной. Из того же разряда было стремление новой столицы единолично решать вопросы, касающиеся Петрограда, не связывая себя консультациями и согласованиями. Так, Совнарком мог по собственному усмотрению отзывать петроградских большевиков из города и назначать их на посты в других местах. 9 апреля, после того как несколько ключевых фигур в петроградском руководстве внезапно получили назначение в Москву, СК ПТК решил поставить центральное правительство в известность, что впредь «ответственные работники Петроградской Трудовой Коммуны без согласия Коммуны не могут отрываться от работы» (31). Прислушались ли в Москве к этому предупреждению, неизвестно.

Совнарком также пытался руководить таким важным для Петрограда внутренним делом, как эвакуация промышленности, организацию и проведение которой местные власти считали своей прерогативой. В своем письме в Москву от 23 марта Зиновьев сообщил о решении петроградского руководства взять эвакуацию под свой контроль, поскольку, как он объяснил, в данный момент эвакуация ведется без предварительного плана, что оборачивается бесполезными простоями как тех предприятий, которые предназначены к выводу из города, так и тех, которые уже эвакуированы (32). Судя по имеющимся источникам, односторонняя административная реорганизация, неважно, осуществлялась она из Москвы или из Петрограда, только усугубляла беспорядок, царивший в деле эвакуации. Во всяком случае, протоколы заседаний центрального Совнаркома и СК ПТК, а также переписка между Петроградским бюро ЦК и ЦК бесспорно свидетельствуют о том, что взаимные обмены нелюбезностями по поводу бюджета, кадровых перестановок, эвакуации и других, менее значимых, но имеющих символический смысл, проблем

сильно осложняли отношения между Петроградом и Москвой в это время. Вдобавок хаотический характер директив и практических мероприятий, связанных с эвакуацией, способствовал росту недовольства петроградского рабочего класса.

* * *

Стремясь преодолеть московское пренебрежение к нуждам Петрограда и усилить массовую поддержку Советской власти в петроградском регионе, изрядно подорванную «паническим» бегством правительства в Москву, сокращающимися поставками продовольствия, растущей безработицей и беспорядочной эвакуацией промышленности, СК ПТК вначале, пусть и не всегда успешно, придерживался умеренного политического курса. Заметить эту перемену в петроградской политике можно по контрасту между Петроградом и Москвой в сфере политических репрессий. Только встав на ноги, Петроградская ЧК начала арестовывать подозреваемых в контрреволюционной деятельности, воровстве и спекуляции (33). Однако многие из этих подозреваемых, особенно из числа задержанных по политическим мотивам, вскоре отпускались (34). Между тем, расстрелы заключенных в Петрограде, в основном, за особо тяжкие преступления, продолжались, но их производили другие уполномоченные органы, не ПЧК (ВЧК начала делать это в феврале). Стремительно росло число краж и убийств, совершаемых уголовными преступниками, многие из которых были членами банд и очень часто выдавали себя за чекистов. Участились также случаи необоснованной стрельбы на улицах, в которой часто оказывались замешаны новобранцы Красной армии, красногвардейцы и анархисты (35). Каждую ночь в петроградские больницы поступали десятки тел, подобранных на улицах. Часто убийцы забирали одежду своих жертв. Большинство неопознанных трупов неделями лежали в моргах, после чего их скопом свозили на кладбища и хоронили в общих могилах (36). Однако Урицкий, как глава ПЧК, упорно отказывался санкционировать расстрелы. Он был заинтересован не столько в восстановлении порядка путем террора, сколько в осуществлении конкретных мер, направленных на обузданье роста насилия, экономических преступлений и злоупотреблений властью.

Этот подход, который разительно отличался от подхода ВЧК в Москве (37), нашел отражение в самых первых директивах Урицкого. 15 марта он издал предварительные правила, нацеленные на жесткое упорядочивание обысков, а также на выявление и задержание фальшивых и недостойных чекистов (38). Характерно, что из числа органов, получивших право на проведение обысков, были исключены отряды Красной армии (39). Неделю спустя Урицкий издал получивший широкую известность приказ о том, что граждане должны в трехдневный срок сдать все незарегистрированное оружие, бомбы, гранаты и взрывчатые вещества. Те, кто отказывался исполнять этот приказ, подлежали суду революционного трибунала (но без угрозы расстрела). Одновременно районным Советам было дано указание усилить патрулирование улиц, с тем чтобы выявлять и конфисковывать оружие у граждан, не имеющих разрешения на него (40).

4 апреля на пост комиссара юстиции в СК ПТК был назначен Николай Крестинский. Как и Урицкий, он имел высшее юридическое образование и внушительный опыт революционной борьбы, в споре вокруг Брестского мира поддерживал «левых коммунистов» и выступал против крайних форм репрессий. Его назначение вкупе с давлением со стороны Урицкого, видимо, подтолкнуло СК ПТК, который в тот момент пытался, демонстрируя «человеческое лицо», обрести поддержку в массах, ускорить юридические действия против арестованных политических деятелей. На это решение также явно повлияла необходимость сократить быстрорастущее население петроградских тюрем, хотя бы потому, что кормить, содержать и контролировать распространение инфекционных заболеваний среди заключенных было непосильной задачей для руководства коммуны (так, тиф в тюрьмах стал обычным делом). Кроме того, попытки разместить избытки арестованных на военно-морской базе в Кронштадте вызвали недовольство моряков-кронштадтцев. Их позиция была изложена в редакционной статье в «Известиях Кронштадтского Совета» от 10 марта:

В Кронштадт направляются отдельные лица и целые группы арестованных... Причем большей частью не препровождаются даже материалы и не даются указания, что именно надлежит делать с арестованными.

Такому уродливому пониманию роли Кронштадта должен быть положен конец... Он не может и не хочет быть каким-то революционным Сахалином; он не хочет, чтобы его имя было синонимом тюрьмы и плача (41).

Всего несколько дней спустя после своего назначения Крестинский получил указание сделать все возможное, чтобы ускорить все юридические процедуры в отношении арестованных (42). Продолжением этой линии стало принятное СК ПТК 27 апреля постановление о первомайской амнистии для широких категорий уголовных преступников, осужденных за незначительные преступления, политических заключенных и заключенных старше 70 лет, а также о 50%-ном сокращении сроков заключения для уголовных преступников, осужденных за более тяжкие преступления (43). Комментируя это решение СК на заседании большевистской фракции Первого съезда Советов Северной области, одобравшего его, Зиновьев изо всех сил старался подчеркнуть политическое значение амнистии. «Советской власти, — говорил он, — необходимо отказаться от прямых методов борьбы с политическими противниками. Советская власть настолько окрепла, что ей не страшны отдельные политические противники. Рабочие и солдаты... не хотят поступать с ними, побежденными в экономической и политической борьбе, так, как это делается во всех империалистических и монархических странах» (44). А на заседании Петросовета, который также одобрил амнистию, Зиновьев хвалился, что идея первомайской амнистии возникла в Петрограде независимо от Москвы (45).

Тем временем, запрет на расстрелы, который ПЧК установила для самой себя, был распространен и на другие органы. 16 апреля Урицкий представил в СК ПТК доклад об ограничении компетенции Комитета революционной охраны Петрограда (входил в состав комиссариата внутренних дел) следственными мероприятиями. Доклад, судя по всему, вызвал в городском правительстве всестороннюю дискуссию о применении расстрелов органами правопорядка Петрограда, главным из которых был Комитет революционной охраны, продолжавший и после отъезда ВЧК и введения Урицким для ПЧК запрета на расстрелы практиковать внесудебные расправы. В итоге было принято решение поручить Крестинскому разработать

инструкцию, предусматривающую а) запрет на расстрелы и б) ситуации, когда обращение правоохранительных органов к оружию считалось бы правомерным (46). После того как через неделю инструкция была представлена, СК ПТК выступил с публичным заявлением о том, что с этого момента «ни одно учреждение в городе Петрограде не имеет права проводить расстрелов» (47). Этот запрет распространялся на ПЧК, Комитет революционной охраны Петрограда, революционные трибуналы, Красную гвардию, Красную армию и районные Советы. Таким образом, было официально отменено разрешение на расстрелы, введенное во время германского наступления в конце февраля. В то время как в Москве, в ответ на усиление контрреволюционной активности и рост преступности, неофициально установился «красный террор», в Петрограде запрет СК ПТК на применение высшей меры революционной защиты действовал до конца лета.

* * *

Растущее разочарование петроградских рабочих большевистской Советской властью весной 1918 г. нашло отражение в создании Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда (далее — Собрание уполномоченных) — широкого оппозиционного движения умеренных социалистов и беспартийных рабочих, впоследствии распространившегося и на другие промышленные районы страны. Среди факторов, повлиявших на становление этого движения, главную роль сыграл чудовищный продовольственный кризис. В середине января 1918 г. уже бывшая тревожной ситуация с продовольствием резко обострилась. Положение дел слегка выпрямилось в феврале, но с началом весны вновь значительно ухудшилось. Причин у этого кризиса было множество, но главное место среди них занимали последствия Брестского договора. В 1917 г. более половины хлебных запасов России приходилось на Украину (350 из 650 млн. пудов) (48), 110 млн. пудов — на Северный Кавказ, 143 млн. пудов — на Степной край и Западную Сибирь, а остальное — на Центральный район. После вступления в силу Брестского договора Украина и ее хлеб оказались для России утрачены. Захват немцами

Курской и Воронежской губерний блокировал подвоз зерна с Северного Кавказа. В результате все, на что Советская Россия могла рассчитывать, это примерно 150 млн. пудов хлеба, в основном из Западной Сибири (49).

Сокращение хлебных запасов было не единственной проблемой, осложнившей положение с продовольствием в Петрограде. Железнодорожные пути и подвижной состав, необходимый для доставки зерна из Западной Сибири, находились в ужасающем состоянии. Добыча угля, без которого железнодорожный транспорт не мог существовать, сократилась, в связи с переходом Донецкого угольного бассейна под контроль немцев и украинцев, более чем на 25%. Из-за царившей повсеместно разрухи на 40–70% сократился посев зерновых. Не имея возможности обеспечить деревню достаточным количеством промышленных товаров, Советское правительство прибегло к выпуску большого количества бумажных денег, реальная стоимость которых постоянно падала, что лишало крестьян стимула для производства зерна на рынок. Вдобавок ко всему, традиционные механизмы закупок и последующей продажи зерна оказались нарушены: оказались такие факторы, как взаимные враждебность и недоверие между старыми, компетентными, организациями и специалистами, с одной стороны, и конкурирующими с ними, неопытными советскими продовольственными органами и чиновниками, с другой (50).

Второй главной причиной недовольства петроградских рабочих большевистской Советской властью и организации Собрания уполномоченных была массовая безработица, отчасти вызванная и значительно приумноженная неэффективной политикой демобилизации и эвакуации. Промышленный кризис в Петрограде начался задолго до Октябрьской революции и был вызван, в первую очередь, нехваткой топлива и сырья. Ситуация еще более усложнилась в конце 1917 г. — начале 1918 г., когда заводы, производящие военную продукцию, были эвакуированы на восток или вынуждены приспособиться под выпуск товаров мирного времени или вовсе закрыты.

По-своему способствовала углублению кризиса и ранняя экономическая политика Советской власти. До Октябрьской революции одним из главных лозунгов большевиков было введение «рабочего контроля» на производстве. Сразу после революции рабочие, естест-

венно, принялись осуществлять его на практике. Попытки Совнаркома упорядочить процесс предоставления рабочим права голоса в управлении производством путем создания наблюдательных советов рабочего контроля оказались неудачными: советы были не способны удержать большевизированных рабочих, возглавляемых фабзавкомами, от вмешательства, по делу и без дела, в процесс заводского управления. В конце 1917 г. и в первые месяцы 1918 г. столкновения между рабочими и заводским руководством заставили Советское правительство национализировать ряд петроградских предприятий, чтобы предотвратить их закрытие недовольными собственниками (51). Кроме того, отказавшись в начале декабря от практики создания советов рабочего контроля, Совнарком основал Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) в качестве единого центра управления экономикой. В последующие годы ВСНХ и общенациональная сеть местных советов народного хозяйства превратились в главные органы централизации управления промышленностью при Советском правительстве. Однако поначалу эти организационные зигзаги, производимые на фоне стихийного движения рабочего контроля, только добавили хаоса петроградской промышленности (52).

Достаточно привести несколько цифр, чтобы стали понятны масштабы этой социально-экономической катастрофы. За период с 1 января до начала апреля 1918 г. примерно 134 тыс. рабочих, или 46% промышленной рабочей силы Петрограда, пополнили ряды безработных (53). По некоторым оценкам, 265 городских заводов и фабрик простоявали. Больше всего пострадали рабочие крупнейших металлургических и химических заводов, а также таких рабочих районов города, как «красный» Выборгский район, бывший в 1917 г. одной из главных опор большевиков и Советской власти в мас- сах (54). По мере того как ситуация с продовольствием в городе продолжала обостряться, значительное число безработных рабочих бежало из Петрограда в деревню.

Возникновению Собрания уполномоченных способствовало также распространение убеждения, что такие институты, как профсоюзы, фабзавкомы и Советы — и, возможно, особенно районные Советы — не являлись больше представительными и демократическими органами рабочего класса, а, напротив, превратились в казенные бюрократические инстанции. Оснований для подобного вывода

было предостаточно. К этому моменту практически все функции бывших подрайонных дум и управ оказались переданы или находились в процессе передачи районным Советам, которые, в результате, превратились в самопровозглашенных властителей своих территорий. Они ревностно охраняли свою независимость во всех вопросах местного управления не только «горизонтально», от посягательств местных большевистских комитетов, но и «вертикально», от вмешательства в работу их отделов «сверху», из соответствующих департаментов СК ПТК (55).

Однако заявить свое право на высшую районную власть было одно, а подобрать квалифицированные, надежные кадры, способные эффективно управляться с растущими обязанностями, — совсем другое. До Октябрьской революции весь штат районных Советов состоял из горстки бескорыстных добровольцев, легко набираемых из числа избранных депутатов. Этого было вполне достаточно, чтобы вести текущую работу и поддерживать связь с рабочими избирателями. Короткое время после Октября Советы могли рассчитывать, в случае необходимости, на привлечение дополнительных кадров из большевистских и левоэсеровских партийных комитетов. Однако в первые три месяца 1918 г. число большевистских и левоэсеровских деятелей в районных Советах заметно убавилось. Многие из них были переброшены на работу в другие районы страны. Продолжающаяся перекачка большевистских кадров из партийных структур в советские не могла компенсировать эти утраты. Действительно, кадровый состав районных партийных комитетов к тому времени уже настолько истощился количественно и качественно, что руководство комитетов часто само потом сожалело о своих назначениях и сетовало по поводу бюрократизации районных Советов (56). В то же время, преданные делу ветераны советской работы, еще остававшиеся в них, занимали подчас по две и более должностей, к чему они, в любом случае, не были готовы. В этих условиях значительная часть функций в районных Советах все чаще оказывалась в руках случайных, неподготовленных, а иногда и коррумпированных чиновников. Из-за повышенной занятости депутатов и постоянной текучки кадров пленарные заседания районных Советов созывались все реже и реже и плохо посещались. Даже по важным вопросам решения зачастую принимались случайным составом членов. Как и в

случае с районными комитетами большевистской партии, связи между районными Советами и заводскими рабочими, имевшие решающее значение для успеха левых сил в 1917 г., оказались нарушены. Кто станет тратить время на митинги и агитацию среди избирателей, когда немцы на пороге?

Лихорадочно-поспешный переезд правительства в Москву после нескольких недель отрицания, что подобный шаг рассматривается в качестве возможного, явился еще одним стимулом к возникновению оппозиционного Собрания уполномоченных. На многих фабриках и заводах этот шаг верхушки советского руководства, совершенный ночью, тайком, вызвал негодование и даже панику. «[Рабочие] день 12 марта назвали кончиной революции», — заявил на первом заседании Собрания уполномоченных 13 марта представитель паровозных мастерских Николаевской железной дороги (57). «В прошлом году кричали “долой Николая”, теперь кричат “долой большевиков”», — поведал представитель машиностроительного завода «Старый Лесснер». Представитель завода Речкина добавил, что рабочие «затерты», им кажется, что все гибнет. А рабочие Ижорского завода, по свидетельству их представителя, выступившего на следующем заседании Собрания уполномоченных 15 марта, были настолько возмущены отъездом правительства, что предлагали даже взорвать поезда (58).

Говоря о происхождении Собрания уполномоченных, некоторые исследователи видят его истоки в дискуссиях, имевших место в правых кругах меньшевистской партии в середине января 1918 г., после распуска Учредительного собрания (59). Юрий Денике конкретно указывает на своего коллегу-меньшевика Бориса Богданова, участника этих дискуссий, как на главного инициатора этого движения (60). Сам Богданов, выступая от имени организационного бюро на первом заседании Собрания уполномоченных 13 марта, заявил, что мысль о созыве Собрания первоначально возникла «у группы [меньшевистских] партийных работников», а затем была подхвачена рабочими промышленного Невского района, где меньшевики и эсеры сохранили сильное влияние. 3 марта состоялось организационное собрание умеренно-социалистических и беспартийных рабочих, и на следующий же день они приступили к организации выборов уполномоченных в своем районе и агитации за создание организацион-

ных бюро для проведения выборов уполномоченных в других районах (61).

Отсюда понятно, что меньшевики явно приложили руку к созданию Собрания уполномоченных и что избранные представители от фабрик и заводов, в числе которых были меньшевики, эсеры и беспартийные квалифицированные рабочие, сыграли ключевую роль в организации, политической ориентации и руководстве движением. Многие из них выводили рабочих на улицы еще в дни Февральской революции. Кроме того, благодаря им умеренные социалисты доминировали в Петроградском Совете до самой осени 1918 г., когда были окончательно побеждены большевиками. Пользовавшиеся растущим влиянием на своих предприятиях, они теперь по праву заявляли, что Собрание уполномоченных является движением рабочих и для рабочих. На первом же заседании Собрания представители политических партий были категорически лишены права голоса (62). Эта позиция отразила распространенное в рабочих кругах разочарование не только большевиками, но и всеми политическими партиями вообще, и свидетельствовала о стремлении руководства движения, по крайней мере, внешне подняться над партийными интересами.

Вначале большинство уполномоченных Собрания, которые в совокупности представляли значительное число наиболее важных петроградских предприятий, надеялись работать в рамках Советской системы, чтобы добиться возврата к революционным принципам и повторного созыва Учредительного собрания. Поэтому одним из первых актов Собрания уполномоченных была отправка делегации на Четвертый Всероссийский съезд Советов в Москву. Однако большевистско-левоэсеровское руководство съезда отказалось предоставить ей слово (63). Несмотря на такие неудачи, в ранний период своего существования (март–апрель 1918 г.) Собрание уполномоченных продолжало заниматься, в первую очередь, выяснением и формулированием позиций по имевшему решающее значение продовольственному вопросу, по проблемам безработицы и эвакуации, а также укреплением своих организационных основ. Все это делалось в открытую, публично. Руководство Собрания принципиально отвергало секретность. Даже когда угрозы репрессий со стороны правительства стали особенно резкими, оно не строило планов перехода на нелегальное положение. Репортеры присутствовали на всех засе-

даниях Собрания уполномоченных, и полные и подробные отчеты о них регулярно публиковались в несоветской прессе (64).

В этот начальный период политические цели Собрания были еще достаточно неопределенными — настолько, что в его заседаниях принимал участие типографский наборщик К. Ф. Григорьев, записавшийся «беспартийным», а позже признавшийся, что был большевиком, и, возможно, другие большевики (65). Более того, по крайней мере, в одном ключевом районе Петрограда — Выборгском — районный комитет большевиков даже распространял агитационные материалы Собрания уполномоченных среди заводских трудовых коллективов (66). Следует сказать также, что советские власти в Петрограде в течение нескольких месяцев удерживались от принятия решительных мер в отношении Собрания уполномоченных — возможно, потому что оно выросло из недр главной социальной опоры большевиков, заводского пролетариата; потому что оно действовало открыто и представляло собой реакцию масс на сложившуюся в городе крайне тяжелую ситуацию, которую большевики были не в состоянии разрешить; потому что трудно было оценить его потенциальную силу и взрывоопасность; и потому что после отъезда центрального правительства в Москву советские власти в Петрограде чувствовали себя неуверенно.

Менее двух недель спустя после первого заседания Собрания уполномоченных газета «Петроградская правда» повела наступление против него (67). 31 марта отряд красногвардейцев учинил обыск в помещении руководящего Бюро организации (68). Однако на тот момент это было и все. Конечно, рост недовольства рабочих и первые успехи Собрания уполномоченных не могли не беспокоить советское руководство Петрограда. Это была одна из причин, заставившая Зиновьева в конце марта — начале апреля настоятельно просить Совнарком о срочном выделении финансовой помощи на борьбу с голодом среди петроградских рабочих. Рязанов, который в ту пору уже вышел из большевистской партии, но еще оставался главой Совета петроградских профессиональных союзов, обратился к своим коллегам с призывом вдохнуть жизнь в уснувшие и безынициативные профсоюзы. Появление Собрания уполномоченных, указал он, свидетельствует о том, что «профессиональные организации не реагируют на вопросы, волнующие сейчас петроградский пролетариат» (69).

К началу апреля руководство Собрания уполномоченных начало понимать, что попытки изменить существующую систему «изнутри» не имеют успеха. Между тем, все те проблемы, которые привели к возникновению движения, только продолжали обостряться. Мало того, в это время к ним добавился новый источник беспокойства, состоявший в том, что недовольные и разочарованные рабочие стали все больше поддаваться влиянию правой пропаганды и, помимо прочего, все чаще выплескивали свое недовольство в антисемитских погромах. Со своей стороны, советские власти Петрограда теперь были, похоже, готовы пойти на любые меры, включая аресты рабочих, чтобы сдержать массовый протест (70). Это, в свою очередь, рождало страх, безразличие и пассивность в других сегментах петроградского рабочего класса.

Поначалу среди делегатов Собрания, похоже, преобладала уверенность, что после Октября и вплоть до распуска Учредительного собрания большинство петроградского пролетариата еще поддерживало большевиков. Существенные перемены в настроениях масс начались, считали они, во второй половине января — феврале 1918 г. Однако противоречивые события начала апреля привели к расколу Собрания в вопросе об оценке этих перемен на «оптимистов» и «пессимистов» (71). «Пессимисты» имели серьезные сомнения насчет возможности мобилизации рабочих и шансов на победу в случае открытого столкновения с правительством. В сложившейся ситуации «нельзя производить эксперименты», утверждал «пессимист» Грабовский, представитель Патронного завода, на заседании Собрания уполномоченных 3 апреля. «В тот момент, когда есть перелом, но не очень серьезный, надо действовать очень осторожно, чтобы не произошло кровопускания», — призывал он. «Оптимисты», напротив, требовали более, а не менее решительных действий против правительства. Так, представитель фабрики Отто Кирхнера Коссирский заявил: «Разгрузка [Петрограда] придумана, чтобы услать отсюда рабочих. Бояться того, что грозил Грабовский, не следует» (72).

Эти разногласия впервые проявились в полной мере в период подготовки первомайской демонстрации под лозунгами Собрания уполномоченных. В ходе приготовлений к этой демонстрации, которые начались в середине апреля, «пессимисты» беспокоились, что Собранию не удастся вывести на улицы значительные силы, а также,

что могут произойти кровавые столкновения с правительственной демонстрацией. (Впрочем, они считали этот риск необходимым.) Напротив, «оптимисты» видели в возможном столкновении явную пользу. Кровопролитие во время первомайской демонстрации подорвет репутацию правительства и, соответственно, усилит позиции Собрания уполномоченных. Во всяком случае, Алексей Смирнов (ветеран-меньшевик, рабочий Патронного завода, один из организаторов и член Бюро Собрания уполномоченных) явно выразил мнение всех собравшихся на заседании 17 апреля, когда заявил: «Россия у пропасти — уйти в сторону теперь преступление» (73).

В период между 17 и 24 апреля не только специальная комиссия по подготовке майской манифестации, но и все члены Собрания уполномоченных активно занимались приготовлениями к демонстрации, несмотря на угрозы Зиновьева в адрес их марша, который якобы может помешать официальным праздничным мероприятиям, запланированным на этот день Петроградским Советом. Кроме того, митрополит Вениамин наложил запрет на все политические акции в период Великого поста, на который выпадал праздник 1 мая. На заседании Собрания уполномоченных 24 апреля некоторые представители заводов сообщали, что рабочие плохо реагируют на их призывы и что на демонстрацию они не пойдут, поскольку запутаны, запуганы, подавлены, реакционны и/или религиозны. Под влиянием этих сообщений, которые нашли также отражение в падении посещаемости заседаний Собрания уполномоченных, «пессимисты» заговорили о необходимости отмены демонстрации. Однако в итоге, следуя духу провозглашенной Смирновым 17 апреля максимы, все согласились, что они обязаны продолжить приготовления к демонстрации, что бы ни случилось. «Мы должны умереть, если придется», — храбро заявил кто-то из присутствовавших (74).

Однако уже на следующем заседании Собрания 29 апреля после череды пессимистических сообщений по поводу перспектив участия рабочих в запланированном шествии, от этого воинственного духа не осталось и следа. Эсер, уполномоченный от одного из крупнейших петроградских предприятий — Обуховского завода, где влияние эсеров продолжало преобладать, описывал настроение рабочих там как подавленное и делал вывод, что если рабочие и выйдут на улицу 1 мая, это будут маленькие кучки, которых не стоит и показы-

вать. Представитель огромного Путиловского завода (75) Николай Глебов, рабочий-слесарь, меньшевик, сторонник идеи рабочей солидарности и независимости, объявил, что настроение рабочих «инертное», 1-ым мая никто не интересуется.

Смирнов, с опозданием, поведал, что на состоявшемся несколько дней назад экстренном совещании майской комиссии с представителями рабочих организаций было решено, что в сложившихся обстоятельствах вопрос о проведении демонстрации должен быть пересмотрен. Он сказал, что «застрачивание» со стороны Советской власти является не единственной причиной пассивности рабочих. Влияют на нее и такие факторы, как германская опасность и общее положение рабочего класса. «Не сегодня-завтра город возьмут немцы, — говорили на одном из рабочих собраний, — а мы будем участвовать в торжественном шествии?» В результате Бюро пришло к заключению, что вместо общей демонстрации празднование 1 мая следует ограничить устройством митингов и собраний в районах. Против отказа от манифестации выступили только несколько «оптимистов». Затем, с оговоркой, что там, где возможно, районные шествия все-таки следует устраивать, позиция Бюро была принята (76). Празднование 1 мая 1918 г. в Петрограде прошло с преобладанием официальных советских демонстраций и других мероприятий, правда, довольно скромных по размаху и количеству принявших в них участие рабочих.

Собрание уполномоченных недолго переживало свою неудачу. События, произошедшие в начале мая: новое резкое ухудшение продовольственной ситуации; расстрел в Колпино протестовавшей группы женщин и рабочих; незаконные аресты рабочих в другом пригороде, Сестрорецке; закрытия газет и аресты среди тех, кто протестовал против колпинских и сестрорецких событий; новая волна недовольства рабочих и конфликтов с властями на предприятиях города, — способствовали оживлению его активности и радикализации. События в Колпино и Сестрорецке явились прямым следствием ухудшения продовольственной ситуации. По свидетельству очевидцев, беспорядки в Колпино начались с нехватки хлеба перед Пасхой. Утром 9 мая толпа женщин, не найдя хлеба в лавке, двинулась к Колпинскому Совету. Там они обрушили свой гнев на представителей властей, вышедших к ним в сопровождении нескольких красно-

армейцев. Женщины потребовали дать гудок, явно желая созвать жителей на общее собрание. Когда один из членов Совета, комиссар Трофимов, отказался, какая-то женщина замахнулась на него сумкой, а кто-то из подростков дал гудок. Трофимов вытащил револьвер и начал стрелять. Затем стрелять начали красноармейцы. Несколько женщин и случайных наблюдателей были ранены в этом первом инциденте.

Вечером того же дня рабочие Ижорского завода, главного промышленного предприятия Колпино, собравшиеся на заводе, чтобы обсудить ответные действия, были встречены войсками. Красноармейцы и красногвардейцы, расположившиеся во дворе напротив здания завода, явно были готовы к боевым действиям. Пришедшие на митинг представители Советской власти наотрез отказались признать свою ответственность за утренний расстрел. На вопрос, зачем здесь красногвардейцы и солдаты, они отвечали, что те здесь по случаю «маневров». Рабочие приняли резолюцию, в которой решительно осудили действия Совета и потребовали его немедленного переизбрания. Они также выразили протест против присутствия на территории завода войск Красной армии и гвардии и постановили, что они должны быть разоружены. Когда митинг закончился и рабочие вышли с завода, по ним начали стрелять. В этом втором инциденте несколько рабочих были ранены, а один электромонтер убит (77).

Примерно в это же время в Сестрорецке толпа женщин и рабочих местного оружейного завода, возмущенных тем, что вместо хлеба им выдали по четверти фунта овсяной муки, избила представителя местного Совета. В ответ местные власти арестовали нескольких рабочих. Товарищи арестованных потребовали освободить их под залог и назначить комиссию для расследования этого инцидента. После того как эти требования властями были отвергнуты, сестрорецкие рабочие три дня бастовали и обратились к Собранию уполномоченных за помощью в этом деле (78). Между тем, подобные эпизоды, когда требования хлеба голодными рабочими и их семьями пресекались насилием, происходили все чаще.

Протоколы заседаний Собрания уполномоченных этого периода показывают, что переломный момент в стратегии организации произошел в середине мая, в ответ на резкое ухудшение продовольственной ситуации и вызванное им насилие. Если раньше руководство

Собрания еще надеялось, что оно сумеет добиться изменений, работая внутри существующей системы, то теперь оно впервые открыто заговорило о свержении Советской власти и, в этой связи, о необходимости координации наступательных действий с единомышленниками по всей стране, прежде всего в Москве. На заседании 18 мая против посылки делегации в Москву выступил только большевик Григорьев; он призвал Собрание забыть распри и совместно с советскими властями работать над решением продовольственного вопроса. Однако остальные члены Собрания были настроены по-другому. Без возражений ими были приняты резолюции о продовольственном вопросе (с осуждением политики правительства в этой области) и о посыпке делегации в Москву (79).

Между тем, в Петрограде распространились слухи, что советские власти близки к тому, чтобы разогнать Собрание уполномоченных. (Впоследствии оказалось, что руководство Петроградского Совета отложило на время рассмотрение этого вопроса.) Поэтому в оставшиеся дни мая и весь июнь Собрание было озабочено преимущественно превращением своей организации в общенациональную и подготовкой петроградских рабочих к всеобщей однодневной забастовке в случае разгона Собрания. Руководство Собрания полагало, что всеобщая стачка покажет, насколько сильна поддержка организации в рабочей среде, и заставит власти отступить.

Однако целенаправленно готовить рабочих к политической стачке и при этом сдерживать рабочий протест, держать его под контролем, до тех пор пока правительство не пойдет в наступление, оказалось трудной задачей. На протяжении всего этого периода нетерпеливые рабочие усиливали давление на Собрание уполномоченных, призываая их не откладывать забастовку, и острые споры о том, как реагировать на эти призывы, стали характерной чертой практически всех заседаний Собрания. В самом конце мая и начале июня, когда волна забастовок в знак протesta против отсутствия хлеба охватила предприятия родного для Собрания Невского района, большинство уполномоченных, заслушав неоднородные сообщения о настроениях рабочих в других районах города, решили призвать забастовщиков вернуться на работу и продолжить подготовку к всеобщей политической стачке (80). Однако 26 июня, на своем, как оказалось, последнем заседании, Собрание узнало, что члены его делегации арестова-

ны в Москве и что в ряде городов центральной России произошли забастовки рабочих, сопровождавшиеся кровавыми столкновениями с советскими властями. Эти тревожные новости дополнили сообщения о подавлении выступления рабочих Обуховского завода совместно с моряками стоящих на Неве напротив завода судов Минной дивизии и о «победе» большевиков на заведомо нечестных выборах в Петроградский Совет (81). В такой ситуации терять Собранию, похоже, было больше нечего, и даже «пессимисты» проголосовали за проведение 2 июля всеобщей однодневной забастовки (82).

* * *

Растущее недовольство петроградских рабочих экономическим положением, а также эволюция структуры и образа действий советских политических институтов, нашедшие отражение в возникновении и росте Собрания уполномоченных, не могли не беспокоить большевистское руководство Петрограда. Это касалось не только высшего уровня руководства, но и собравшихся на свое Междурайонное совещание представителей петроградских районных Советов. Разумеется, представители районных Советов гордились своими административными усилиями и упорно защищали от посягательств свою властную независимость, однако их тревожила собственная растущая изоляция. В конце марта, движимые отчасти стремлением подорвать влияние Собрания уполномоченных за счет усиления связей между районными Советами и рабочими, они самостоятельно (хотя большинство из них были большевиками) приняли решение о созыве во всех районах города беспартийных рабочих конференций. Они даже выпустили инструкции по организации и проведению этих конференций (83).

На фоне отчетливых признаков раскола между большевистскими советскими органами власти и рядовыми рабочими подобные конференции, организуемые под эгидой Советов, привлекли внимание руководства Петроградского Совета. В тот момент петроградские власти испытывали растущее давление со стороны различных сил, требующих переизбрания Петроградского Совета, а также районных Советов. Однако Зиновьева, к примеру, чрезвычайно волновали

результаты таких поспешных перевыборов Советов, поскольку он осознавал негативное влияние, которое оказывали на рабочих растущие продовольственные трудности и степень изоляции существующих большевистско-лвоэсеровских Советов от их избирателей. Он откровенно заявил, что районные Советы превратились в «палаты лордов» (84). Беспартийные рабочие конференции, действующие под эгидой Советов и состоящие из рабочих, избранных напрямую от фабрик и частей Красной армии, по-видимому, представлялись ему средством восстановления значительно ослабшей массовой поддержки большевистской Советской власти. Кроме того, когда тянуть с выборами в Петроградский Совет будет уже невозможно, делегаты конференций могут составить лояльное ядро нового депутатского состава Совета, в дополнение к тем депутатам, которые будут избраны непосредственно от предприятий и воинских частей. Следуя настойчивым рекомендациям Зиновьева, президиум Петросовета одобрил инициативу Межрайонного совещания.

Товарищи Зиновьева по Петроградскому бюро ЦК РКП(б) были явно не в восторге от его идеи. Хотя они разделяли его беспокойство по поводу шансов большевиков на победу в случае немедленного проведения выборов, они выступили против радикального пересмотра способа комплектования Совета (85). Следует заметить, что в то время связи между Бюро ЦК и Петербургским комитетом были настолько нерегулярными, что ПК не сразу узнал о позиции Зиновьева в отношении беспартийных рабочих конференций и месте, которое он отводил им в будущей структуре Петросовета. 14 мая, когда вопрос о конференциях впервые был поднят официально, реакцией ПК было попытаться отложить их созыв до тех пор, пока не исправится ситуация с продовольствием (86). Однако три дня спустя, когда стало ясно, что во многих районах беспартийные конференции либо уже созваны, либо намечены к созыву, городскому партийному руководству ничего не оставалось, как идти дальше (87).

20 мая, до того как вопрос о беспартийных рабочих конференциях стал предметом внутрипартийных дебатов на высшем уровне, Зиновьев, до сих пор избегавший личного участия в работе низовых партийных организаций, внезапно появился на еженедельном заседании Собрания организаторов ПК (88). Там он сумел преодолеть мощную оппозицию ветеранов большевиков, отстаивавших принцип

демократической, тесно связанной с массами Советской власти, и убедил собрание в необходимости как можно скорее созвать беспартийные рабочие конференции в районах, где они еще не были созваны, так как они являются средством восстановления связей с трудящейся массой. Он также дал понять, что не настаивает на четком следовании инструкциям о беспартийных рабочих конференциях, принятых Междурайонным совещанием Советов, поскольку эти инструкции препятствуют достижению максимального представительства большевиков в них, и косвенно признал их связь с будущим составом Советов (89).

В конце весны — начале лета беспартийные рабочие конференции состоялись в большинстве районов Петрограда (90). Опубликованные материалы такой конференции в Первом городском районе дают полную и исключительно ценную картину, во многом применимую к движению беспартийных рабочих конференций вообще (91). Конференция в Первом городском районе открылась 25 мая и закончилась 5 июня (92). С самого начала руководство местного Совета или, по крайней мере, часть его, воспринимало ее не как разовое средство борьбы с кризисной ситуацией, а как первую в ряду такого рода встреч с рабочими избирателями, где они смогли бы разъяснить свою политику и консультироваться с рабочими по поводу будущих решений. То есть, эта конференция рассматривалась ее организаторами как более или менее постоянный институт, обеспечивающий легитимность работы районного Совета и новый, столь необходимый ему канал связи с массами (отсюда официальное название конференции — «Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов Первого городского района»).

Хотя в Совете Первого городского района большевики и левые эсеры имели очевидное большинство, созыв районной рабочей конференции не был исключительно их предприятием. В организационной и мандатной комиссиях конференции были представлены все политические фракции районного Совета (впрочем, так было не во всех районах). Среди делегатов с правом голоса были представители районных предприятий и красноармейских частей, районного Совета, профсоюзов, объединенных кооперативов, безработных, заводских больничных касс, а также районных комитетов партий большевиков, левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, меньшевиков и эсе-

ров (93). Большинство делегатов были избраны на специальных собраниях трудовых коллективов предприятий и учреждений и митингах безработных, согласно установленным нормам (94). Всего, как считается, на конференции были представлены от 23 до 25 тысяч «трудящихся граждан». Несмотря на преимущества, которыми пользовались большевики и левые эсеры при выборах делегатов (95), по окончании конференции даже оппоненты большевиков, похоже, согласились что в целом она была организована и проведена справедливо. В цифрах состав конференции выглядел так: из 201 делегата с правом голоса 134 были большевики (67%), 13 — левые эсеры (6%), 30 — меньшевики и меньшевики-интернационалисты (15%) и 24 — эсеры (12%) (96).

Программа конференции включала отдельное обстоятельное рассмотрение таких проблем, как безработица, продовольственный кризис, формирование Красной армии (все еще вызывающее споры), структура и деятельность районного Совета и оценка «текущего момента». В данном контексте из вопросов повестки дня наибольший интерес представляют сообщения примерно 50 рядовых делегатов о ситуации и настроениях на местах, с которых началась конференция (97), и отчет районного Совета о развитии и деятельности после Октября, а также критика его, которыми конференция закончилась (98).

Сообщения с мест показывали, что часть рабочих считала, что у них после Октября дела идут хорошо; поддержка Советской власти в этой среде оставалась крепкой. Также позитивно относились к Советской власти представители мелких служащих, которые, по словам одного делегата, считали себя не столько служащими, сколько «верными слугами революции», и, как ни странно, представители почти пятитысячного отряда организованных безработных. Но с наибольшим энтузиазмом Советскую власть поддерживали делегаты от расквартированных на территории района красноармейских подразделений. Один из представителей военных уверенно пообещал, что какими бы ни были враги Советской власти, «как бы они ни прикрывались беспартийными, меньшевиками или эсерами» (явно намекая на Собрание уполномоченных), солдаты его части, «по первому зову Советской власти», поднимутся на ее защиту. Столь пылкие проявления преданности, однако, не слишком успокаивали

районных советских лидеров — во-первых, из-за отсутствия дисциплины, которое было свойственно красноармейцам, а во-вторых, из-за того, что их бодрые речи тонули в потоке жалоб рабочих на ухудшение экономического положения и требований политических перемен. Последние чаще всего заключались в созыве Учредительного собрания и замены Советского правительства правительством на более широкой демократической основе. Средоточиями недовольства в районе и, соответственно, беспокойства советских властей были крупные предприятия, такие как механический завод «Вестингауз», металлургический и машиностроительный завод «Сан Гали», а также Гильзовый отдел Патронного завода.

На заводе «Вестингауз» рабочих больше всего беспокоил продовольственный кризис. «Раньше хотя и была дороговизна, — сетовал делегат от завода, — но кое-как ухитрялись от спекулянтов прикупать... продукты и питали себя... [Теперь же] были случаи, что у станков падали люди [от голода]». Завод «Сан Гали» в революционный период был островком относительного благополучия, с точки зрения отношений между рабочими и заводским руководством; до декабря 1917 г., когда руководство было вынуждено сократить персонал завода вдвое, серьезных трудовых конфликтов там не наблюдалось. Последовавшая напряженность, результатом которой стали новые, еще более масштабные, увольнения, стала периодом, когда рабочие глубоко разуверились в существующем правительстве. Теперь им казалось, что их бросили на произвол судьбы. Свое выступление представитель завода закончил оглашением «наказа», который рабочие вручили ему и который содержал требование хлеба для голодных, работы для безработных и гарантий того, что посылаемые в деревню хлебозаготовительные экспедиции будут действовать мирными методами.

Сообщение делегата Патронного завода внушало не меньшее беспокойство. До Октября, заявил он, практически все рабочие завода сочувствовали большевикам, но политика Советского правительства, в том числе непродуманная, крайне хаотичная эвакуация, плохо сказались на мнении рабочих. Теперь, в результате всего этого, настроение рабочих Патронного завода, как выразился его представитель, «удручающее, рабочие изверглись во власти». Свое выступление он также завершил чтением «наказа», данного ему рабочими

завода: «твёрдо отстаивать демократические начала, стоять за созыв Учредительного собрания, за демократическую власть, избранную тайным и равным голосованием».

Рассмотрение деятельности районного Совета Первого городского района началось с доклада его бессменного председателя с 1917 г. и одного из лидеров Междурайонного совещания, большевика Антона Корсака и докладов некоторых руководителей отделов. И Корсак, и его коллеги признали, что не все в работе Совета было правильным и продуманным, и что усилия его руководителей часто подрывались отсутствием квалифицированных кадров. Однако, оглядываясь назад, они, по большей части, рассматривали минувший семимесячный период как время значительных достижений, когда прочный союз большевиков и левых эсеров в руководстве Совета успешно отразил натиск контрреволюции, принял на себя ответственность за все аспекты местного самоуправления и выжил, чтобы принять участие в грядущей мировой революции и социалистическом строительстве на местном уровне.

В ходе дискуссии по ключевым вопросам выступающие от эсеров и меньшевиков не обошли критикой практически ни один из аспектов послеоктябрьской деятельности Совета. Выводы Корсака и его коллег обеспечили им последнюю возможность развить свою критику. Они сосредоточились на трех главных темах: о том, что Корсак и его коллеги завалили конференцию подробностями работы Совета, но при этом не потрудились объяснить принципы формирования политики и ее цели; что работники Совета совершенно не подготовлены к решению таких сложных задач, за которые они взялись, чем только способствуют кризисной ситуации; и что за послеоктябрьский период характер Совета в корне изменился к худшему и, самое главное, что из института, чье подлинное назначение защищать интересы рабочего класса, он превратился в раздутый, закрытый от всех, бюрократический орган, состоящий из некомпетентных платных чиновников.

Вывод оппозиции о том, что, получая плату за работу, деятели Совета якобы превратились в чиновников, особенно обидел Корсака. «Я сам получаю от Совета деньги, но я не чиновник и позорного в том, что я на существование свое и своей семьи получаю от Совета, я не вижу», — заявил он в ответном слове. Однако его прочие заме-

чания, а также принятая конференцией резолюция о прошлом и будущем Совета содержали косвенное признание того, что, по крайней мере, некоторые из обвинений оппозиции были справедливы. В то же время, в резолюции нашла отражение убежденность большевистско-левоэсеровского советского руководства в том, что районный Совет сумеет защитить себя не только от оппозиции, но и от идущих сверху централизаторских тенденций и по-прежнему будет играть главную роль в политических и административных делах района.

На других беспартийных районных конференциях, протоколы которых сохранились, Советская власть и деятельность местных Советов подверглись не менее жесткой критике, однако большинство из них имело внушительное большевистско-левоэсеровское большинство. Следовательно, как и предполагал Зиновьев, на него можно будет, в случае надобности, опереться при выборах в Петроградский Совет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Седьмой (экстренный) съезд РКП(б) С 113.

2 РГАСПИ. Ф.19. Оп.1. Д 76 Л 2.

3 ЦГА СПб Ф.9618 Оп 1 Д 226. Л 55.

4 Об Урицком как главе ПЧК см. Рабинович А Моисей Урицкий Робеспьер революционного Петрограда? //Отечественная история 2003 №1 С.3–21.

5 См выдержки из речи Зиновьева на заседании Петросовета 12 марта, объясняющие этот шаг (Копейка. 1918. 14 марта. С 3), и его доклад по этому вопросу на Первом съезде Советов Северной области 25 апреля (ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3 Л 5)

6 Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып 1 Ч 1 — Пг. 1919 С 23

7 Ильин-Женевский Большевики у власти С 35

8 Луначарский должен был совмещать пост комиссара просвещения в СК ПТК и в Совнаркоме

9 Новая жизнь. 1918 14 марта С 1

10 Красная газета 1918 12 марта. С 1. ПЧК и Красная армия становились подотчетными Троцкому

11 См. напр., первое заявление Троцкого, опубликованное в «Красной газете» Красная газета 1918 12 марта С 1

12 РГАСПИ Ф 5 Оп 1 Д.1032 Л.6-7 После отъезда Троцкого в составе Петроградского бюро ЦК остались Зиновьев, Стасова, Крестинский, Лашевич, Смилга и Иоффе

13 Первое Советское правительство Октябрь 1917 — июль 1918 / Под ред А.П. Неснаркова — М., 1991 С 426.

14. Так, когда встал вопрос о главе комисариата по делам национальностей, СК ПТК обратился в Президиум Петросовета с просьбой подобрать подходящую кандидатуру — ЦГА СПб Ф 144 Оп 1 Д 1 Л 30

- 15 Шетавин К И Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 году //Красная летопись 1928 №2 (26) С 110–111
- 16 ЦГАИПД Ф 1 Оп 2 Д 3 Л 1
- 17 Там же Оп 1 Д 3 Л 1–2 См также выше, глава 7
- 18 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 82–85
- 19 Там же Л 82
- 20 Там же Ф 1 Оп 1 Д 66 Л 1–3 О создании Собрания организаторов см выше, глава 6
- 21 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 91.
- 22 Петроградская правда 1918 9 апреля С 3, ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 64 Л 6–боб.
- О Первой партийной конференции [большевиков] Северной области см ниже, глава 9
- 23 РГАСПИ Ф 17 Оп 4 Д 10 Л 38
- 24 ЦГАИПД Ф 1817 Оп 1 Д 29 Л 1–30.
- 25 Страна 1918 5 апреля С 4, см также Новые ведомости 1918 21 марта С 7
- 26 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 79 Л 3
- 27 Там же Д 84 Л 3
- 28 Там же Д 94 Л 13–13об
- 29 Там же Ф 82 Оп 2 Д 7 Л 107–110
- 30 Там же Ф 19 Оп 1 Д 94 Л 2–3
- 31 ЦГА СПб Ф 144 Оп 1 Д 1 Л 1
- 32 РГАСПИ Ф 5 Оп 1 Д 2858 Л 6–боб
- 33 Наш век 1918 17 марта С 4, Красная газета 1918 30 марта С 3
- 34 См., напр., сообщение об освобождении шести заключенных ПЧК Новые ведомости 1918 18 марта С 5
- 35 Это явление нашло отражение, в частности, в протоколах заседаний Выборгского районного Совета См ЦГА СПб Ф 148 Оп 1 Д 51
- 36 См. рассказы сотрудников морга в статье «Ужасы времени» Новые ведомости 1918 13 апреля С 7
- 37 Российский историк Альтер Литвин (Казань) опубликовал отрывочные протоколы 14 заседаний ВЧК за период с января по май 1918 г. В них явственно отразилась поддержка большинством руководства ВЧК вынесудебных расстрелов как средства контроля и пресечения уголовной и политической преступности См. Левые эссеи и ВЧК / Под ред А Л Литвина С 48–65
- 38 Наш век 1918 16 марта С 1
- 39 Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып 1 Ч 1 С 97
- 40 ЦГА СПб Ф 2421 Оп 1 Д 1 Л 142
- 41 Известия Кронштадтского Совета 1918 10 марта С 2
- 42 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 31 Л 126
- 43 ГАРФ Ф 130 Оп 2 Д 342 Л 27, ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3 Л 32, Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып 1 Ч 1 С 539–540
- 44 Новые ведомости 1918 29 апреля С 6
- 45 Наш век 1918 1 мая С 3
- 46 ЦГА СПб Ф 144 Оп 1 Д 1 Л 13об
- 47 Там же Ф 143 Оп 1 Д 31 Л 163, Ф 144 Оп 1 Д 1 Л 32
- 48 1 пуд = 16 кг
- 49 См. отчет С О Загосского Собранию уполномоченных 18 мая 1918 г — ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 119 См также Hoover Institution archives Isaac Steinberg Collection, XX692–10V, «The Events of July 1918» Р 5–9

50. ЦГА СПб. Ф 3390 Оп.1 Д 13 Л.119–121

51 В качестве примеров первых декретов о национализации см. Декреты Советской власти о Петрограде, 1917–1918 гг / Под ред. М. П. Ирошикова — Л., 1986 С 76–79, 87–89, 94–96, 98, 111–112

52 О связи между проблемами, вызванными рабочим контролем, первыми национализациями в промышленности и созданием ВСНХ см. E H Carr *The Bolshevik Revolution, 1917–1923 Vol 2* — Baltimore, 1966 Р 72–90

53 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д.185 Л 50–51

54 К марту примерно 30 тыс. рабочих Выборгского района остались без работы (Новая жизнь 1918 27 марта С 3). В это время там оставались действующими только четыре предприятия (ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 191 Л 46)

55 О том, как это происходило в одном из петроградских районных Советов, см. A Rabinowitch *The Evolution of Local Soviets in Petrograd, November 1917 — June 1918 The Case of the First City District Soviet //Slavic Review Vol 46 No 1 1987 Р 20–37*

56 Эта ситуация получила отражение в примечательном своей откровенностью секретном письме Выборгского районного партийного комитета, которое циркулировало среди районных большевиков в конце весны и выражало протест против бюрократического поведения Выборгского районного Совета. См. ЦГАИПД Ф 2 Оп 1 Д 7а Л.1.

57 ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13. Л 4об.

58 Там же Л.2об , 11.

59 См. , напр , Аронсон Г. Я. Движение уполномоченных от фабрик и заводов в 1918 году. — Нью-Йорк, 1960 См также Чураков Д Революция, государство, рабочий протест. Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России 1917–1918 гг — М., 2004 С 124–128

60 Денике Ю. Б. О Богданов в начале 1918 г //Социалистический всенародник 1960 Январь С 48, Denike Yu From the Dissolution of the Constituent Assembly to the Outbreak of the Civil War //The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War / Leopold H Haimson, ed — Chicago and London, 1974 Р 115–116 Прямой связи между богдановской инициативой и рабочими съездами, проводимыми Союзом защиты Учредительного собрания вплоть до начала марта, по-видимому, не было

61. ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 1об–2.

62. Там же Л 2 Это решение было принято, несмотря на тот факт, что больше половины уполномоченных от фабрик и заводов представляли либо меньшевиков, либо эсеров, и то, что представители умеренно-социалистического руководства были специально приглашены на заседание в качестве консультантов по ключевым вопросам стратегии

63 ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 72

64 На самом деле, Собрание уполномоченных издавало и свой собственный журнал, где публиковало подробные отчеты о первых заседаниях, до тех пор пока он не был закрыт. См. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда 1918 № 1–2 (18 марта) и № 3–4 (16 апреля)

65 ЦГА СПб Ф 3390. Оп.1 Д 13 Л 137, Д 9 Л 16

66 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 1 Д 4 Л 3

67 Петроградская правда 1918 24 марта С 1, 27 марта С 1

68 Сообщения об этом см. ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 60

69 ЦГА СПб Ф 6276 Оп 3 Д 163 Л 14

70 Документальным свидетельством этого изменившегося подхода являются списки арестованных за этот период. См. , напр , ЦГА СПб Ф 506 Оп 1 Д 1а Л 1–4, 7об–9, 13–32, 34–41, 44–45, 46об

- 71 Термины, использовавшиеся в то время для различия двух этих точек зрения См , напр . ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 149
- 72 Там же Л 65–66.
- 73 Там же Л 89
- 74 Там же Л 98–102
- 75 На Путиловском заводе в это время продолжали трудиться 11400 рабочих, и еще 500 были заняты на Путиловской верфи — ЦГА СПб Ф 3390. Оп 1 Д 11 Л 14
- 76 Там же Д 13 Л 105–113.
- 77 Там же Д 2 Л 1–31, Д 13 Л 115–117, Ф 9672 Оп 1 Д 246 Л 20
- 78 Там же Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 124 Фунт равен 1/40 пуда, или 0.4 кг
- 79 Там же Л 133–140, Д 17 Л 16, 16об, 38–38об
- 80 Там же Д 13 Л 156–169, 172, 181
- 81 См. ниже, глава 9
- 82 ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 13 Л 219–225
83. По поводу этих инструкций см. ЦГА СПб. Ф 101. Оп.1 Д 68 Л 14–14об
- 84 ЦГАИПД Ф.1. Оп.1 Д 66. Л 18
85. РГАСПИ. Ф 466. Оп 1 Д 1 Л 15об.
- 86 ЦГАИПД Ф 4000. Оп 7 Д 814 Л.135–137.
- 87 Там же. Л.139, Шелавин К Из истории Петербургского комитета //Красная летопись. 1928. №2 (26). С 110 и №3 (27) С 162–164
- 88 О создании Собрания организаторов в середине февраля 1918 г см выше, глава 6
89. ЦГАИПД Ф 1. Оп 1 Д 66 Л.18–19.
- 90 Там же, а также Ф 4000 Оп 7 Д 820. Л 94–99; Д 814 Л.142
- 91 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го городского района (стенографические отчеты 25 мая — 5 июня) — Пг , 1918 Протоколы беспартийных рабочих конференций Василеостровского и Пороховского районов см., соответственно ЦГА СПб Ф 47 Оп 1. Д 27 Л 1–9 и Ф 511. Оп 1 Д 1 Л 1–14об
- 92 Подробный анализ этой конференции см *Rabinowitch. The Evolution of Local Soviets in Petrograd, November–June 1918* Р 20–30
- 93 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов. . С ix
- 94 Там же. С viii-xv.
- 95 Большевики, к примеру, контролировали большинство фабрично-заводских комитетов, которые, как правило, занимались организацией заводских собраний, на которых избирались делегаты на конференцию. Кроме того, большевистско-левоэсеровское руководство опиралось на блок из примерно сорока пяти красноармейских делегатов, преданных Советской власти, что называется, по долгу службы.
- 96 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов С xv, 269–274.
- 97 Там же С 19–85
- 98 Там же С 300–361